

Научное мнение. 2025. № 6. С. 114–117.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 6. P. 114–117.

Научная статья

УДК 159.9

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_6_114

СЕКСУАЛЬНАЯ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ИСТЕРИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОИНЬ

Полина Дмитриевна Карнаухова¹, Виктория Алексеевна Смарышева²

^{1, 2} Восточно-Европейский Институт психоанализа, Санкт-Петербург, Россия

¹ poly-10001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2516-6479>

² inspectorz@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи сексуальной неудовлетворенности и истерического поведения у женских персонажей классической художественной литературы. На примерах героинь романов Л. Н. Толстого «Анна Каренина», Г. Флобера «Госпожа Бовари», М. А. Шолохова «Тихий Дон» и Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» раскрываются бессознательные механизмы вытеснения желания, проявления тревоги, телесных симптомов и эмоциональной зависимости. Исследование основано на концепциях З. Фрейда, К. Хорни, Э. Фромма и К. Юнга и демонстрирует, как художественные образы отражают универсальные формы женского переживания в условиях репрессивной культуры и неравенства полов.

Ключевые слова: сексуальная неудовлетворенность, истерия, женская субъективность, психоанализ, литературная героиня, телесность, эмоциональная зависимость

Original article

SEXUAL DISSATISFACTION AS A FACTOR IN HYSTERICAL BEHAVIOUR OF LITERARY HEROINES

Polina D. Karnaughova¹, Victoria A. Smarysheva²

^{1, 2} East European Institute of Psychoanalysis, Saint Petersburg, Russia

¹ poly-10001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2516-6479>

² inspectorz@rambler.ru

Abstract. This article investigates the link between sexual dissatisfaction and hysterical behaviour in female characters from classical literature. The examples of the heroines of L. Tolstoy's "Anna Karenina", G. Flaubert's "Madame Bovary", M. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don", and G. Yakhina's "Zuleikha Opens Her Eyes" reveal unconscious mechanisms of desire repression, manifestation of anxiety, physical symptoms and emotional dependence. The study is based on the concepts of S. Freud, K. Horney, E. Fromm and C. Jung and demonstrates how artistic images reflect universal forms of female experience in the context of a repressive culture and gender inequality.

Keywords: sexual dissatisfaction, hysteria, female subjectivity, psychoanalysis, literary heroine, corporeality, emotional dependence

Введение

Современный психоанализ выходит за пределы клиники и все чаще обращается к художественной литературе как к источнику исследования бессознательных конфликтов. Согласно позиции Ф. В. Бассина, психоанализ применим не только в терапевтической практике, но и в интерпретации культурных феноменов, в том числе художественных образов [1, с. 15–16]. Художественные тексты позволяют исследовать не только индивидуальные, но и коллективные переживания, отраженные в судьбах персонажей. Женские образы в классической литературе становятся «симптомами эпохи», в которых можно проследить вытесненные желания, фрустрации, травматический опыт. Особенно интересны в этом ключе героини, чье поведение содержит истерические черты — как проявление внутреннего протesta, направленного против норм, которые ограничивают женскую телесность, сексуальность и субъектность. Особенно выразительными в этом смысле являются героини, чье поведение соответствует клинической картине истерии: демонстративность, перепады настроения, соматические проявления, саморазрушение и тяга к сцене. В современных клинических классификациях истерия рассматривается как расстройство, сочетающее эмоциональную лабильность, демонстративность и выраженные психосоматические проявления [2, с. 413–415]. Нередко в основе таких проявлений лежит сексуальная неудовлетворенность, которую женщины не осознают напрямую, но выражают через поведение, отношения и тело.

Целью настоящей статьи является выявление психоаналитических механизмов истерического поведения у литературных героинь, обусловленных сексуальной неудовлетворенностью.

Задачи исследования — проанализировать характерологические особенности героинь с позиции психоанализа; выявить формы проявления истерической симптоматики в литературных сюжетах; сопоставить внутренние конфликты персонажей с их внешним поведением.

Материалы и методы

В качестве метода исследования использован психоаналитический литературный ана-

лиз. Эмпирической базой послужили произведения художественной литературы: «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Госпожа Бовари» Г. Флобера, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной [3; 4; 5; 6]. Теоретическую основу составили труды З. Фрейда, К. Хорни, Э. Фромма, К. Юнга, а также современные интерпретации феномена истерии в психоанализе [7, с. 63–71; 8, с. 41–45; 9, с. 85–88; 10, с. 188–190; 11, с. 188–190; 11, с. 118–121].

Результаты и обсуждение

Зигмунд Фрейд рассматривал истерию как результат вытесненного сексуального желания, не получившего возможности для осознанного переживания и выражения. В его трудах описывается механизм превращения вытесненного аффекта в соматический симптом — тело начинает говорить языком симптома то, что запрещено или невозможно выразить напрямую. Истерия, по Фрейду, — это конфликт между вытесненной сексуальностью и запретом на ее выражение [7, с. 63–71].

Карен Хорни дополнила эту концепцию, указав на культурные и социальные факторы, препятствующие реализации женской сексуальности. Современные психоаналитики подчеркивают, что женская сексуальность всегда разворачивается в пространстве культурного запрета, что делает истерические проявления формой протеста [8, с. 41–45]. Эрих Фромм связывал сексуальную неудовлетворенность с отсутствием подлинной любви и аутентичного «я». В таком контексте сексуальное неудовлетворение — не только отсутствие телесного контакта, но и невозможность быть желанной как личность, как субъект [9, с. 85–88]. Жан Лапланш рассматривал истерические симптомы как реакцию на несоответствие между бессознательным посланием и невозможностью его символизации, особенно в сфере сексуальности [10, с. 118–121].

Героини русской и зарубежной классики часто оказываются заложницами таких репрессивных условий. Анна Каренина, Эмма Бовари, Аксинья и Зулейха — женщины, ищащие любви, страсти и признания, но попадающие в ловушку социальных ограни-

чений, брачных обязательств и неравного распределения власти. Их сексуальное недовольство проявляется не напрямую, а через истерические черты: Анна становится одержимой, ревнивой и разрушительной; Эмма — зависимой от романтических фантазий и материальных компенсаций; Аксинья — агрессивной, жертвующей собой, телом и ребенком; Зулейха — изначально репрессированная, но в процессе трансформации тела и психики переживает символическую сексуализацию как акт возрождения [3, с. 397–415; 4, с. 273–280; 5, с. 524–526; 6, с. 345–360].

Анна Каренина страдает от скуки и эмоциональной пустоты в браке с Алексеем Александровичем, в котором отсутствует как телесная близость, так и эмоциональное тепло. Внимание к ней сводится к внешней корректности и формальным обязанностям, но не к живому контакту. Отношения с Вронским на первых порах представляются Анне выходом и пробуждением к жизни: она испытывает страсть, телесное влечение и эмоциональный подъем. Однако по мере развития отношений Анна все больше утрачивает ощущение стабильности. Ее стремление к абсолютной, безусловной любви перерастает в навязчивую тревогу: она боится быть забытой, покинутой, требует постоянного подтверждения любви, упрекает Вронского в холодности. Поведение Анны приобретает черты истерического паттерна: она впадает в эмоциональные крайности, демонстративно страдает, манипулирует своим состоянием, пытаясь удержать внимание. Как отмечает Н. Мак-Вильямс, истерические личности склонны к демонстрации чувств, за которыми скрывается неосознаваемый внутренний конфликт, часто связанный с сексуальной сферой [12, с. 152]. Она все более теряет контакт с реальностью и с самой собой, превращаясь из субъекта желания в объект, существующий лишь в глазах Другого. Сцена ее самоубийства на вокзале — кульминация отчаяния и невозможности быть желанной, любимой, живой [3, с. 860–864].

Эмма Бовари воспитывалась на романах и представляла себе сексуальность как нечто возвышенное и трагичное. Ее разочарование

в реальности приводит к попытке создать фантазию во плоти — через изменения, покупки, роскошь. Ее истерия принимает форму демонстративного бегства от реальности и разрушения себя как тела и субъекта. В ряде работ (например, Чекалина, 2009) подчеркивается, что истерические симптомы могут выступать способом психической саморегуляции и скрытой коммуникации [13, с. 45–49].

Аксинья из «Тихого Дона» — образ, наиболее близкий к телесному выражению страсти и агрессии. Она не столько страдает от сексуальной неудовлетворенности, сколько сталкивается с невозможностью быть в отношениях, где сексуальность соединена с заботой и безопасностью. М. Кляйн указывала на то, что ранние психотравмы формируют бессознательные фантазии, которые позднее проявляются в симптомах, в том числе истерического типа [14, с. 107–110]. Сцены насилия и разрушения тела ребенка могут интерпретироваться как крайняя форма истерического протеста [5, с. 521–526].

Зулейха, напротив, переживает путь от депривации до пробуждения. Вначале она полностью отчуждена от своего тела и сексуальности. Однако именно через телесные испытания — труд, холод, голод, рождение ребенка — происходит перерождение, символически связанное с принятием своей женской сущности. Здесь истерическая энергия трансформируется в жизненную силу [6, с. 350–370].

Заключение

Проведенный психоаналитический анализ показал, что сексуальная неудовлетворенность может быть не только фоном, но и активным фактором формирования истерического поведения у литературных героинь. Через фигуры Анны Карениной, Эммы Бовари, Аксиньи и Зулейхи раскрываются различные способы бессознательного выражения фrustration, вытесненного желания и протesta против культурных и гендерных ограничений [7, с. 66–71; 8, с. 41–43; 9, с. 85–88].

Объединяющим для всех образов становится внутренняя раздвоенность между потребностью в любви и невозможностью реализовать ее в безопасных отношениях. Истерические симптомы — тревожность, навязчивость, де-

монстративность, разрушение тела — выступают символическим языком этой внутренней борьбы [12, с. 148–152; 13, с. 46–48].

Таким образом, изучение художественных образов с позиции психоанализа позволяет выявить универсальные механизмы женского переживания подавленного желания и под-

тврдить значимость сексуальной удовлетворенности как психического регулятора в жизни женщины. Как пишет Г. Р. Гусейнова, литературный текст позволяет исследовать истерический симптом как форму выражения женской субъективности в условиях репрессии [15, с. 104–107].

Список источников

1. Бассин Ф. В. Психоанализ и современная психотерапия. М.: Наука, 1988. 224 с.
2. Каплан Х. И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. М.: Медицина, 1994. 672 с.
3. Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Эксмо, 2020. 864 с.
4. Флобер Г. Госпожа Бовари / пер. с фр. М.: Азбука, 2020. 384 с.
5. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2015. 512 с.
6. Шолохов М. А. Тихий Дон. М.: АСТ, 2018. 928 с.
7. Фрейд З. Избранные работы. Т. 1 / под ред. Л. И. Анциферовой. М.: Наука, 1990. 526 с.
8. Фромм Э. Искусство любить / пер. с англ. М.: АСТ, 2020. 224 с.
9. Хорни К. Наши внутренние конфликты / пер. с англ. М.: Институт общегуманистических исследований, 2001. 224 с.
10. Юнг К. Г. Архетип и символ / пер. с нем. М.: Рефл-Бук, 1997. 448 с.
11. Понтиалис Ж.-Б., Лапланни Ж. Словарь по психоанализу / пер. с фр. М.: КСП+, 2006. 472 с.
12. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2011. 432 с.
13. Чекалина С. В. Истерия как психическое расстройство: историко-теоретический анализ // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2009. № 2. С. 45–49.
14. Кляйн М. Психоанализ детских нарушений / пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 336 с.
15. Гусейнова Г. Р. Женская субъективность и истерический симптом в психоанализе и литературе // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 3. С. 104–117.

Статья поступила в редакцию 17.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 11.06.2025.

The article was submitted 17.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 11.06.2025.

Информация об авторах:

П. Д. Карнаухова — студент;

В. А. Смарышева — кандидат психологических наук, проректор по учебной работе.

Information about the Authors:

P. D. Karnaughova — student;

V. A. Smarysheva — Candidate of Sciences (Psychology), vice-rector for academic affairs.